

---

pocket**book**



rocket**book**

# ГИЙОМ МЮССО

*Прошло семь лет...*



МОСКВА  
2017

УДК 821.133.1-31  
ББК 84(4Фра)-44  
М98

Guillaume Musso  
7 ANS APRES

Copyright © XO Editions, 2012. All rights reserved

Перевод с французского *Марианны Кожевниковой*  
Оформление серии *Андрея Саукова*

В оформлении обложки использована фотография:  
Eyecandy Images / Thinkstock / Gettyimages.ru

**Мюссо, Гийом.**

М98 Прошло семь лет... / Гийом Мюссо ; [пер. с фр. М. Кожевниковой]. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 352 с.

ISBN 978-5-04-089153-5

В том, что брак Себастьяна Лараби и Никки Никовски распался, не было ничего удивительного. У аристократичного, прекрасно образованного Себастьяна и взбалмошной, не обращающей внимания на условности Никки не было ничего общего. Лишь одно их объединяло: оба обожали своих детей, близнецов Джереми и Камиллу.

Когда Джереми исчез, они забыли о семи годах «холодной войны», о взаимных обидах и претензиях. Теперь они снова — пара и не остановятся ни перед чем, чтобы спасти своего ребенка.

УДК 821.133.1-31  
ББК 84(4Фра)-44

© Кожевникова М.,  
перевод на русский язык, 2017  
© Издание на русском языке, оформление.  
ООО «Издательство «Э», 2017

ISBN 978-5-04-089153-5

**Часть первая**  
**A ROOFTOP IN BROOKLYN<sup>1</sup>**

1

Уютно свернувшись клубком под одеялом, Камилла наблюдала за дроздом, усевшимся на карнизе. Там, за окном, веселился осенний ветер и светило солнце, бросая сквозь листву золотые блики на стекла. Всю ночь шел дождь, а сейчас, поутру, небо сияло безоблачной синевой, обещая чудесный октябрьский денек.

В изножье кровати золотистый ретривер поднял голову и нацелил на девочку черный нос.

— Иди сюда, Бак! Иди, мой хороший, — позвала она, похлопывая ладонью по подушке.

Пес не заставил себя ждать. Одним прыжком очутился рядом с хозяйкой, рассчитывая получить положенную поутру порцию ласки. Камилла поглаживала крутой собачий лоб, трепала висячие уши, наконец сурово приказала себе:

— Подъем, чмо ленивое!

И с сожалением выбралась из теплого гнезда. Мигом оделась, влезла в кроссовки, накинула ветровку, кое-как заколола длинные светлые волосы.

---

<sup>1</sup> Бруклинская крыша (*англ.*). Строчка из песни в фильме «Бруклинские полицейские».

— Вперед, Бак! Шевелись, толстячок! Пошли бегать! — позвала она собаку и сама помчалась вниз по лестнице, которая вела в просторный холл.

Все три этажа элегантного таунхауса из коричневого камня выходили в атриум со стеклянной крышей, сквозь которую проникал естественный свет. Вот уже третье поколение семейства Лараби владело этим таунхаусом.

Дом был старым, зато интерьеры современными, строгими, без излишеств. Большие светлые комнаты, на стенах картины 20-х годов кисти Марка Шагала, Тамары де Лемпицка, Жоржа Брака. Несмотря на картины, минималистское убранство напоминало скорее особняки Сохо или Трайбека, а не консервативный Верхний Ист-Сайд.

— Папа! Ты тут? — осведомилась Камилла, входя в кухню.

Налила себе стакан холодной воды и огляделась. Отец уже позавтракал. На лакированной стойке стоит чашка с остатками кофе, а возле кусочка рогалика лежит «Уолл-стрит джорнал», газета, которую Себастьян Лараби имеет обыкновение просматривать по утрам. И рядом номер «Строд»<sup>1</sup>.

Прислушавшись, Камилла различила шум текущей воды. Скорее всего, отец задержался в ванной.

— Эй! — Она шлепнула Бака и захлопнула дверцу холодильника, не дав ему возможности по-

---

<sup>1</sup> Специализированный журнал, посвященный струнным инструментам.

завтракать остатками жареной курицы. — Потом поешь, обжора!

Нацепила наушники, выскочила за порог и потрусила, не спеша, по улице вместе с Баком.

Таунхаус Лараби поместился между Мэдисон и Парк-авеню, примерно на уровне Семьдесят четвертой улицы, в небольшом кармане, обсаженном деревьями. Несмотря на утренний час, в квартале кипела жизнь. Поток такси и автомобилей обтекал частные особняки и роскошные отели. Застегнутые на все пуговицы, швейцары в униформах прибавляли оживления шумному балету, подзывая *yellow cabs*<sup>1</sup>, открывая дверцы, укладывая вещи в багажники.

Камилла добежала трусцой до *Millionaire's Mile*, аллеи миллиардеров, где вдоль Центрального парка выстроились самые знаменитые в Нью-Йорке музеи: Метрополитен, Гугенхейм, Новая галерея...

— Бежим, бежим, дурашка! Сначала бег, потом обед! — подбодрила она Бака и прибавила ходу, торопясь добраться до дорожки для джоггинга.

Услышав, что дверь за Камиллой захлопнулась, Себастьян Лараби вышел из ванной. И сразу же отправился к ней в комнату. Он вменил себе в обязанность еженедельно инспектировать ее, учитывая трудности переходного возраста.

Он был в дурном настроении, хмурился, сунул брови, чувствуя, что Камилла с некоторых пор не так откровенна, стала хуже заниматься, меньше играет на скрипке.

---

<sup>1</sup> Такси (*англ.*).

Себастьян оглядел комнату: просторная, в пастельных девичьих тонах, располагает к покою и поэтичности. Прозрачные занавески на окнах золотятся на солнце. На просторной кровати разноцветные подушки и сбитое в ком одеяло. Машинально он отодвинул одеяло в сторону и уселся на постель.

Первым делом взялся за смартфон, который лежал на тумбочке. Без тени смущения набрал четыре цифры секретного кода, успев тайком подсмотреть его, когда дочка кому-то звонила, сидя с ним рядом и ничуть не прячась. Смартфон разблокировался. Себастьян почувствовал, как в кровь поступает адреналин.

Вторгаясь в интимную жизнь дочери, он всякий раз боялся открытий, которые может совершить.

Пока ничего нового, но он продолжал поиски.

Просмотрел последние звонки: кто звонил, кому звонила. Номера все известные, друзья по лицу Иоанна Крестителя, учительница музыки, партнерша по теннису.

Мальчика нет. Нет чужаков. Нет угрозы. Себастьян вздохнул с облегчением.

Просмотрел, какие Камилла сделала в последнее время фотки. Ничего особенного. День рождения у малышки Маккензи, дочери мэра, с которой Камилла учится в лицее.

Не желая упустить ни одной мелочи, увеличил стол с бутылками, чтобы удостовериться, нет ли алкоголя. Нет, только кока и фруктовые соки.

Себастьян продолжил исследование, просмотрел почту, эсэмэски, маршруты по навигатору



GPS и только что пришедшие сообщения. Все контакты были известными, содержание разговоров не представляло собой ничего предосудительного.

Себастьян расслабился.

Положил смартфон на место и осмотрел листки и вещички на письменном столе. На виду лежал ноутбук, но Себастьян к нему не притронулся.

Полгода тому назад он поставил кейлоггер на компьютер своей дочери. Информационный шпион позволял ему быть в курсе, на каких сайтах бывает Камилла, следить за ее перепиской по электронной почте, отслеживать разговоры в чатах. Само собой разумеется, Себастьян никому не говорил об этом. Друзья и знакомые осудили бы его, сочли бы, что он чокнулся. Но ему наплевать, что они там себе думают. Он отец и обязан избавить дочь от любых опасностей, какие могут ей грозить. Цель тут оправдывает средства.

Опасаясь, как бы дочка не вернулась раньше времени, Себастьян выглянул в окно, прежде чем снова приняться за розыски. Потом обогнул изголовье кровати и вошел в гардеробную, где принялся методично открывать шкаф за шкафом, поднимать стопки белья и одежды. Недовольно поморщился, взглянув на деревянный манекен с платьем-бюстье. Не слишком ли гламурно для девочки ее возраста?

Открыл дверцу отделения для обуви и обнаружил новую пару: «Стюарт Вейцман» — лакированные, на высоких каблуках. И с новым беспокойством уставился на лодочки, печальный для

него знак, что дочь как можно скорее хочет пере-  
шагнуть во взрослую жизнь.

Негодую, он поставил их на полку и тут вдруг заметил элегантный, розовый с черным, пакет, украшенный логотипом известной фирмы белья. С нехорошим предчувствием заглянул в него и увидел ансамбль из белого атласа: бюстгалтер-балконет с кружевами и кружевные трусики.

«Это уж слишком!» — взорвался он, заталкивая пакет в глубину полки. И в сердцах со всей силы хлопнул дверцей платяного шкафа, готовый броситься к Камилле и высказать ей все, что он думает. Однако, сам не зная почему, толкнул дверь еще и в ванную. Взял косметичку с туалетными принадлежностями, высыпал их и наткнулся на блистер с таблетками. Цифры указывали порядок, в каком следовало их принимать. Первый ряд был уже начат. Руки у Себастьяна затряслись. По мере того как он осознавал, что именно произошло, гнев сменила паника: его дочь пятнадцати лет принимает противозачаточные таблетки!

## 2

— Бак! Домой! Возвращаемся!

Пробежав два круга, ретривер свесил язык набок. Он умирал от желания перепрыгнуть через решетку и поплавать в огромном сверкающем водоеме. Камилла все прибавляла скорость и последний отрезок пробежала, точно спринтер. Три раза в неделю для поддержания формы она бегала в Центральном парке по дорожке, огибающей водоем, длиной в два с половиной километра.

Пробежка закончилась, Камилла стояла, опустив руки, стараясь отдышаться. Потом тронулась в обратный путь, пробираясь среди велосипедистов, мотороллеров и детских колясок.

— Дома есть кто? — спросила она, открывая дверь.

И не дожидаясь ответа, через три ступеньки помчалась наверх, к себе в комнату.

«Живее, живее, — подгоняла она себя, — а то опоздаешь!»

Быстренько под душ, намылилась, сполоснулась, вытерлась, надушилась. И остановилась перед шкафом, выбирая, что надеть.

«Самый ответственный момент дня!..»

Камилла училась в лицее Иоанна Крестителя, католической средней школе для девочек. В элитной школе для золотой нью-йркской молодежи. Школе, известной своими строгими правилами с обязательным ношением формы: плиссированная юбка, жакет со значком школы, белая блузка и головная повязка.

Строгую, даже аскетичную, элегантность можно было оживить какой-нибудь дерзкой деталью. Камилла обернула вокруг шеи галстук-лавальер и провела пальцем в помаде по губам, чуть-чуть подкрасив их в малиновый цвет.

Облик идеальной школьницы оттенит ярко-розовая сумка, подарок на день рождения, которую Камилла решила прихватить с собой.

— Привет, пап! — поздоровалась она, присаживаясь к столу в центре кухни.

Отец в ответ ни слова. Камилла подняла голову и посмотрела на него. Отлично смотрится в этом

костюме. Это она посоветовала ему итальянскую модель: в слегка приталенном пиджаке с чуть приподнятыми плечами фигура выглядит что надо. А лицо озабоченное, взгляд устремлен в пустоту. Встал у окна и ни с места.

— С тобой все в порядке? — забеспокоилась Камилла. — Хочешь, я налью тебе еще кофе?

— Нет.

— Ну как хочешь, — весело отозвалась она.

Аппетитный запах поджаренных тостов плавал по кухне. Девочка налила в стакан апельсинового сока, развернула салфетку, и из нее... выпала пластинка с таблетками.

— Ты...Ты можешь мне объяснить... — начала она оскорбленным тоном.

— Это ты должна мне объяснить! — разъяренно вскинулся отец.

— Ты рылся в моих вещах! — негодуяще продолжала она.

— Не уходи от ответа! Почему в твоей косметичке противозачаточные таблетки?

— Это мое личное дело.

— Не может быть личных дел в пятнадцать лет!

— Ты не имеешь права за мной шпионить.

Себастьян сделал шаг к дочери, угрожающе наставив на нее указательный палец.

— Я твой отец и имею право на все!

— А я хоть на что-то имею право?! Ты хочешь контролировать все: с кем я дружу, куда хожу, письма, которые пишу, фильмы, которые смотрю, книги, которые читаю!..

— С семи лет я воспитываю тебя один и...

— Ты сам захотел воспитывать меня один!

Себастьян стукнул кулаком по столу.

— Отвечай на мой вопрос: с кем ты спишь?

— Тебя это не касается! Я не должна спрашивать у тебя разрешения. Это моя жизнь, и я уже не ребенок.

— Тебе еще рано вступать в сексуальные отношения! Это глупо и безответственно! Чего ты добиваешься? Хочешь сломать себе жизнь? А ведь ты знаешь, что через несколько месяцев конкурс Чайковского!

— Меня уже тошнит от скрипки! Мне плевать на конкурс! Я туда не поеду! Вот все, чего ты добился своим контролем!

— Ну, это мы еще посмотрим! Не так все просто! Сейчас ты должна играть по десять часов каждый день, и будешь играть! Иначе у тебя нет шанса чего-то добиться! А ты покупаешь супер-труссы и туфли, которые стоят дороже всего обмундирования Бурунди!

— Перестань ко мне придирааться! — повысила голос Камилла.

— А ты перестань наряжаться как шлюха! Ты... Ты вся в мать! — заорал Себастьян, окончательно выйдя из себя.

От неожиданной грубости и злобы Камилла онемела, но уже через секунду пошла в наступление.

— А ты сумасшедший! Мерзкий сумасшедший!

Это она напрасно. Себастьян вне себя вlepил ей с размаху пощечину.

Камилла потеряла равновесие и оказалась на полу вместе с табуретом.

В первый миг она застыла в недоумении, стараясь понять, что произошло. Потом начала медленно подниматься. Пришла в себя, подхватила сумку, твердо решив ни секунды больше не оставаться рядом с этим обидчиком и тираном.

Себастьян попытался удержать ее, но она отвела его руку и ушла, даже не прикрыв за собой дверь.

### 3

Автомобиль-купе с затемненными стеклами выехал на Лексингтон-авеню и поехал в сторону Семьдесят третьей улицы. Себастьян опустил солнцезащитную шторку, иначе солнце било прямо в глаза. Погода осенью 2012 года стояла какая-то неправдоподобная. Себастьяна угнетала ссора с Камиллой, он переживал и чувствовал свою полную беспомощность. Первый раз в жизни он поднял на нее руку. Он понимал, как обидел и унизил любимую дочь, раскаивался и ругал себя за пощечину. Но и его можно понять: он сделал это от отчаяния.

Мысль о том, что у его дочери началась сексуальная жизнь, приводила его в неистовство. Слишком рано! Преждевременно! Под удар поставлены все его надежды, все планы, которые он построил относительно ее будущего! Скрипка, учеба, возможные профессии — все было спланировано, выстроено, расчерчено, как нотная бумага. Ничто не имело права вторгаться сюда и разрушать его планы!

Пытаясь успокоиться, он старался дышать как можно глубже и смотрел в ветровое стекло, любуясь осенью. В этот ветреный день тротуары Верхнего Ист-Сайда были засыпаны пламенеющей золотом и багрецом листвой. Себастьян любил свой аристократический, забывший о беге времени квартал, где обитал высший свет Нью-Йорка. Обитель комфорта действовала умиротворяюще благодаря своей строгости и сдержанности. Оазис, избавленный от бурь и потрясений.

Себастьян свернул на Пятую авеню и поехал на юг, вдоль Центрального парка, продолжая размышлять о себе и Камилле. Он не мог отрицать, что был слишком пристрастным отцом. Но так выражалась — возможно, не слишком умело — его любовь к дочери. Разве нет? Неужели же нельзя найти золотую середину между его желанием уберечь ее и ее стремлением к самостоятельности? Середину, которая устроит обоих? Себастьяну вдруг показалось, что все не так уж сложно, что он сумеет все наладить и изменить. Но тут в памяти всплыла пластинка с таблетками, и все добрые намерения полетели к черту.

После развода он растил Камиллу один. И гордился, что может дать ей все, что ей необходимо: любовь, внимание, воспитание. Он не сводил с нее глаз, все предусматривая и все оценивая. Всегда был рядом, относясь крайне серьезно к своим отцовским обязанностям, выкладывался каждый день, следя за домашними заданиями, занятиями скрипкой, уроками верховой езды.